

ПОРТРЕТ АКТЕРА

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА — САМООТДАЧА

После премьеры драмы «Рядовые» А. Дударева в театре имени Н. Шорса, в которой Владимир Лукьянец играет роль капитана Дугина, погибшего в День Победы, артисту дарили цветы его дети, двенадцатилетний Роман и шестилетняя Оксана. Вытянув руки с букетами, бежали они к отцу.

Какое счастье, что это театр, что можно подняться убитому и обнять родных. В далеком сорок пятом многие из нас, тогда малолетки, так и остались стоять с протянутыми в вечность цветами ожидания...

— Эта сложная, исповедальная роль очень близка мне, — рассказывает артист. — Война черным своим крылом задела и нашу семью. Отец вернулся с фронта, но тяжелые раны очень скоро свели его в могилу. Я всегда буду помнить, что отняли его у меня фашисты. Мне тогда было двенадцать, как и моему сыну сегодня. О подвиге народа хочу рассказать поколению, не знавшему войны.

Я признателен главному режиссеру театра Александру Петровичу Королю, увидевшему меня в образе Дугина. Мы много работали, прежде чем роль стала действительно моей.

В жизни каждого артиста бывают роли, как бы суммирующие его опыт и выводящие творчество на новый качественный виток. Такой представляется работа В. Лукьянца в «Рядовых».

...Он всегда играл много. Хотя часто и уходил в тень, пропуская «на авансцену» театральных событий своих товарищей — артистов броского темперамента, яркого романтического склада. Этого долгие годы требовал романтический стиль коллектива. Скрывая же за внешним спокойствием актерская страстность В. Лукьянца существовала как бы на периферии режиссерских потребностей, ожидая своего часа, своей пьесы и, наконец, своего времени.

Значит ли это, что В. Лукьянец не пробовал себя в других жанрах? Наоборот, проб было достаточно.

Листаем с артистом буклет спектаклей Полтавского театра имени Н. Гоголя — здесь он работал три года после окончания в 1964 году Харьковского театрального института. Похоже, у молодого артиста наметилось тогда амплу «героя-любownika». Вот он: во фраке, завитые волосы, глаза с поволокой, чарующая улыбка — в паре с красавицей. Сомнений нет, оперетта.

— Неужели это вы, Владимир Александрович? — спрашиваю.

— Сейчас я и сам удивляюсь... И знаете чему? Прикидываю, что всего каких-то пять лет отделяло эти роли от моей юности на Кировоградщине. После окончания школы я, сельский парень, два года работал колхозным ездовым. И во сне во фраке себя не видел... В сельском драмкружке играл Назара Стодолю. Это было понятно, близко. Но фрак, сюртук... Необычная задача ставила много работать над собой, «вскрывать» свои артистические резервы.

На щорсовской сцене был выход в сферу романтико-поэтическую. И неоспорный успех в драматических поэмах «Ярослав Мудрый» И. Кочерги (режиссер С. Смеян) и «Кассандра» Леси Украинки (режиссер Н. Равицкий): в первой он играл варяга Гаральда, в другой — юношувонна Долона. Мастерски сплавил внешнюю скульптурную декоративность образов и трепетную подвижность их душевной жизни. В характерах прозвуча-

ла тема мужества и отваги, подвига.

— А роли отрицательные? Это понятие А. Довженко образно окрестил «минус-человек»... Какие для вас наиболее памятные?

— Помню, на сцене я еще играл возвышенно гармоничного Долона, а в репетиционном зале уже перекраивал себя на иной лад в роли Мирона Оскилко из «Зачарованного витряка» М. Стельмаха. Надо было постичь логику (или алогизм?) отступничества, найти точные мотивировки обвинения. Ведь этот недюжинный человек, упрямо сделав пагубный шаг — покинув Родину, всю жизнь страдал... Затем были кулак Васюта из «Думи про тебе» М. Стельмаха в постановке В. Грипича, мистер Бизон из политической сатиры «Серия і долари» А. Левады.

Комедийный жанр он особенно любит. Да и в жизни Владимиру Лукьянцу присуща добрая улыбка, хорошее настроение, состояние душевного равновесия.

И все же не здесь артист «главный». Самые «дефицитные» его способности раскрыла психологическая драма. Мне памятна роль, прозвучавшая с неповторимостью открытия, — председателя рыболовецкого совхоза Березина в драме «Ураган» А. Софронова (режиссер Н. Кудиненко). Вот где документальная узнаваемость, неподдельная жизненность мира героя, когда слова актера рождает «не память рабская, но сердце»... В «Урагане» артист выходил на сцену, будто сам, как и его герой, только что вернулся с путины. Лицо, обожженное солнцем и морозом. Неторопливая поступь, неторопливая речь. Умение слушать и думать. У Березина-Лукьянца «говорили» глаза — зеркало его души, страдающей от любви, не ко времени пришедшей...

Масштаб образа рождался не только из постижения общего душевного состояния Березина, но, главное, его внутреннего гуманного строя, этому человеку невозможно было оскорбить уходом тяжело больную жену и любимую дочь-школьницу.

От этих качеств образа протянута нить к Дугину в «Рядовых». И здесь исполнитель обнажает душевные пласты доброты человека, умеющего переплавить свои страдания в силу.

— Вам не кажется, что Березин и Дугин в чем-то похожи?

— Несомненно. Как и старшина Васков из драмы «А зори здесь тихие...» Б. Васильева, сыгранный мною когда-то. Это люди большого сердца. Люди-братья. Каждый — «плюс-человек». Разница лишь в масштабе исторического фона, на котором испытываются моральные качества.

«У всех нас война души выстудила... Не скоро согреемся», — говорит Дугин. Согревались возле таких, как он. И, может быть, на войне это было самое высокое его призвание.

Сыграно около семидесяти ролей. Перспективы у Владимира Лукьянца надежные. О таких говорят — спешит медленно. В театре это значит — работает на совесть, ничто не подводит, любит искусство в себе, а не себя в искусстве.

Цель творчества —

самоотдача,

А не шумиха, не успех...

Так сказал поэт. Так может звучать и кредо артиста.

В. ГАЙДАБУРА,
кандидат искусствоведения.